

Угрозил выгнать.

Объявление за строку стоит 10 коп. со всего в Латвии в месяц 1 Л. 40 с. (70 р.) пред. труда 14 с. (7 р.) пред. труда 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога. Для выгнания 10 стр. стоит за строку.

Ред.: Рига, Маламачевский 57 (ул. Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. трол. — 21733 и 21334, почт. редак. — 21334. Главная контора и редакция Рига, Маламачевский ул. 57. Тел. конторы 21031, телеф. редакционного отдела 21235.

С Е Г О Д Н Я

№ 193.

ВЫХОДИТ УТРОМ И ВЕЧЕРОМ.

11-й г. изд.

**Воскресенье,
14 июля 1929 года.**

Цена номера в Латвии 10 коп. 5 р. в Латвии за все под. 40 коп., в Польше за все под. 40 грн., за утр. 40 грн. за воскр. 40 грн. Подп. на "Сегодня" в Латвии (за 7 нед. в нед.) в Латвии 3 Л. 50 с. (175 р.), закр. 5 Л. 20 с. (200 р.) или 1 стр. подп. Подп. на "Сегодня" и "Сегодня Вечером" (13 нед. в нед.): в Латвии 5 Л. 75 с., закр. 5 Л. 50 с. или 1.70 стр. подп.

Послѣдніе часы А. П. Чехова.

(Изъ воспоминаній О. Л. Книпперъ-Чеховой.)

Въ предисловіи къ письмамъ А. П. Чехова къ О. Л. Книпперъ-Чеховой имѣются странныя, посвященныя послѣднимъ часамъ Чехова.

«Вообще, Антонъ Павловичъ необычайно любилъ все смѣшное, все, въ чемъ чувствовался юморъ, любилъ слушать рассказы смѣшные и, сидя въ уголку, подперевъ рукой голову, пощипывая бородку, заливался такимъ заразительнымъ смѣхомъ, что я часто, бывало, переставала слушать рассказчика, воспринимая рассказъ черезъ Антона Павловича. Онъ очень любилъ фокусниковъ, клоуновъ. Помню, мы съ нимъ какъ-то въ Ялтѣ долго стояли и не могли оторваться отъ всевозможныхъ фокусовъ, которые продѣлывали дрессированныя блохи. Любилъ Антонъ Павловичъ выдумывать — легко, изящно и очень смѣшно — это вообще характерная черта чеховской семьи. Такъ, въ началѣ нашего знакомства большую роль играла у насъ «Наденька», якобы жена или невеста Антона Павловича, и эта «Наденька» фигурировала вездѣ и всюду, ничто въ нашихъ отношеніяхъ не обходилось безъ «Наденьки» — она нашла себѣ мѣсто и въ письмахъ.

Даже за нѣсколько часовъ до своей смерти онъ заставилъ меня смѣяться, выдумывая одинъ рассказъ. Это было въ Баденвейлерѣ. Послѣ трехъ тяжелыхъ тревожныхъ дней ему стало легче къ вечеру. Онъ послалъ меня пробѣжаться по парку, такъ какъ я не отлучалась отъ него въ эти дни, и когда я пришла, онъ все безпокоился, почему я не иду ужинать, на что я отвѣтила, что гонгъ еще не прозвонилъ. Гонгъ, какъ оказалось послѣ, мы просто прослышали, а Антонъ Павловичъ началъ придумывать рассказъ, описывая необычайный модный курортъ, гдѣ много сытыхъ, жирныхъ банкировъ, здоровыхъ, любящихъ хорошо поѣсть, краснощекихъ англичанъ и американцевъ, и вотъ всѣ они, кто съ экскурсій, кто съ катанія, съ пѣшеходной прогулки, однимъ словомъ отовсюду, собираются съ мечтой хорошо и сытно поѣсть послѣ физической усталости дня. И тутъ вдругъ оказывается, что поваръ сбѣжалъ и ужина никакого нѣтъ — и вотъ какъ этотъ ударъ по желудку отразился на всѣхъ этихъ избалованныхъ людяхъ... Я сидѣла прикурнувши на диванѣ послѣ тревоги послѣднихъ дней, и отъ души смѣялась. И въ голову не могло придти, что черезъ нѣско-

ко часовъ я буду стоять передъ тѣломъ Чехова.

Въ послѣдній годъ жизни у Антона Павловича была мысль написать пьесу. Она была еще неясна, но онъ говорилъ мнѣ, что герой пьесы ученый — любитъ женщину, которая или не любитъ его или измѣняетъ ему, и вотъ этотъ ученый уѣзжаетъ на дальній сѣверъ. Третій актъ ему представлялся именно такъ: стоитъ пароходъ, затертый льдами, сѣверное сіяніе, ученый одиноко стоитъ на палубѣ, тишина, покой и величіе ночи, и вотъ на фонѣ сѣвернаго сіянія онъ видитъ — проносится тѣнь любимой женщины...

Антонъ Павловичъ тихо, покойно отошелъ въ другой міръ. Въ началѣ ночи онъ проснулся и въ первый разъ въ жизни самъ попросилъ послать за докторомъ. Ощущеніе чего-то огромнаго, надвигающагося придавало всему, что-я дѣлала, необычайный покой и точность, какъ будто кто-то увѣренно велъ меня. Помню только жуткую минуту потерянности: ощущеніе близости массы людей въ большомъ спящемъ отелѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувство полной моей одинокости и безпомощности. Я вспомнила, что въ этомъ же отелѣ жили знакомые русскіе студенты — два брата, и вотъ одного я попросила сбѣгать за докторомъ, сама пошла колоть ледъ, чтобы положить на сердце умирающему. Я слышу, какъ сейчасъ, среди давящей тишины июльской мучительно душной ночи звукъ удаляющихся шаговъ по скрипучему песку...

Пришелъ докторъ, велѣлъ дать шампанскаго. Антонъ Павловичъ сѣлъ и какъ-то значительно, громко сказалъ доктору по-нѣмецки (онъ очень мало зналъ по-нѣмецки): „Ich sterbe“. Потомъ взялъ бокалъ, повернулъ ко мнѣ лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой и сказалъ: «Давно я не пилъ шампанскаго...» и спокойно выпилъ все до дна, тихо легъ на лѣвый бокъ и вскорѣ умолкнулъ навсегда... И страшную тишину ночи нарушала только, какъ вихрь, ворвавшаяся огромныхъ размѣровъ черная ночная бабочка, которая мучительно билась о горящія электрическія лампочки и металась по комнатѣ...

Ушелъ докторъ, среди тишины и духоты ночи съ страшнымъ шумомъ выскочила пробка изъ недопитой бутылки шампан-

скаго.. Начало свѣтать и вмѣстѣ съ пробуждающейся природой раздалось, какъ перелетъ панихида, нѣжное, прекрасное пѣніе птицъ и звуки органа, доносившіяся изъ ближней церкви. Не было слышно звука людского глоса, не было суеты обыденной жизни, была красота, покой и величіе смерти...